

Елена Михайловна Яновская:

- Дни моего раннего детства протекали в кухне, куда из-за вселившихся в квартиру немцев перебралась бабушка, по-домашнему была «баба». Там, в запечном углу, стояли ее кровать, ломберный столик и большой сундук - таинственный кладезь всякой всячины. Со стены у кроватного изголовья смотрели старинные образа и портреты двух бабушкиных сестер, «уже ушедших на тот свет»; тут же были развешены пучки лечебных трав - тысячелистника, донника, чабреца... Баба называла их по-своему: деревей, буркун, богородская трава... Когда растапливали печку, запах трав становился отчетливей и напоминал о лете. И мы мечтали, что как только потеплеет, наступит Победа...

... Немцы, получив ощутимую затрещину от белорусских партизан и у нас, на курской земле, сильно опасались лесных мстителей. Занимая новую территорию, первым делом старались выяснить, нет ли тут партизан: рассчитывая на доносительство, сулили вознаграждение, грозили карами. В нашей местности перед приходом врага была оставлена группа для ведения подпольной работы. Ядро составляли партийные и советские работники районного звена. Базировались в лесу. Ждали связника с Брянщины для координации действий. А когда он пришел, один из группы добровольно явился к немцам и выдал товарищей.

Их казнили на площади. Трупы с лиловыми от жестоких побоев лицами долго не снимали с виселицы для устрашения. На груди каждого казненного – картонка с надписью: фамилия, должность. И только один остался безымянным, тот самый посланец брянских партизан. Он так и не назвал своего имени. Злой участи не избежал и предатель. Он был повешен рядом с теми, кого выдал.

... Как-то вечером, уже засыпая, услышала за окном непонятный шум. Что-то скрежетало и лязгало, потом раздались громкие голоса, шаги – кто-то поднимался по ступеням на веранду. И... все исчезло, утонуло в волнах крепкого сна. Утром я с удивлением обнаружила возле дома восхитительное железное чудовище. Подойти вплотную не позволила баба: не лезь под гусеницу, раздавит! Внезапно крепкие руки подхватили меня под мышки и подбросили вверх, ощущение страшноватое – и я ударилась в рёв. Вокруг смеялись. Мама сказала: она боится посторонних. И мне: это же наши! Наши пришли!

Танкисты пробыли у нас недолго, их лиц я не запомнила, только голоса, красиво певшие незнакомую песню— «Прощай, любимый город». Позже мама вспоминала, что это были совсем молодые ребята, как наш Юрок, и что,

уезжая, они обещали непременно прислать весточку, если будут живы. Предполагаю, что танковая часть, стоявшая в нашем посёлке, отправлялась в знаменитую ныне Прохоровку. Весточки мы так и не получили...